

вызывает недоумение трактовка фетишизма, как характерного «преимущественно лишь для Западной Африки», с чем не позволяют согласиться факты. Сакрализация материальных предметов, наделение чувственных вещей сверхчувственными свойствами распространены по всей Африке южнее Сахары от бушменов Калахари до ашанти бывшего Золотого берега и шиллуков верховий Нила. Если С. А. Токарев не признает эти религиозные представления и обряды фетишистскими, то, очевидно, он расходится в определении фетишизма с большинством марксистских религиоведов и вряд ли встретит поддержку в этом отношении.

Вызывает недоумение и употребление некоторых терминов при определении общественного строя, как, например «патриархальная» или «патриархально-феодальная монархия». Вряд ли такие определения будут поддержаны советскими историками.

Оценивая рецензируемую книгу в целом, надо отметить, что С. А. Токарев сумел при сравнительно небольшом ее объеме сконцентрировать, можно даже сказать «спрессовать» поистине огромный фактический материал, представляющий большую ценность для всех интересующихся вопросами религии и атеизма. В нынешнем его виде труд С. А. Токарева по истории религий должно признать очень полезной книгой того типа, который распространен в зарубежной литературе под названием «Религии народов земли». Две книги этого рода — «Иллюстрированная история религий» Шантени-де-ля-Сосей и «Орфей» С. Рейнака — были когда-то переведены на русский язык. Они безнадежно устарели в методологическом и фактографическом отношении. В отношении подбора фактов, их оценки и объяснения книга С. А. Токарева, разумеется, не идет ни в какое сравнение с подобного рода компендиумами. Она призвана удовлетворить потребность в марксистском обобщенном труде по истории религии. Потребность эта так велика, что книга С. А. Токарева уже почти раскуплена и стоит вопрос о ее переиздании.

Желательно, однако, чтобы при подготовке второго издания, которое действительно нужно, были бы внесены некоторые изменения и дополнения.

Необходимо разгрузить первый раздел и дать ему более обобщенный характер. Надо расширить третий раздел, введя в него более актуальный материал, например о деятельности орденов католической церкви, о миссионерских организациях, о сравнении деятельности церкви с интересами монополий в колониях, о роли различных религиозных организаций в условиях неокOLONIALИЗМА и т. п. Наконец, совершенно необходимо снабдить книгу указателями, без которых ею трудно пользоваться. При внесении этих дополнений труд С. А. Токарева станет надолго настоящим пособием, как он этого и заслуживает.

Б. Шаревская

* * *

Книга С. А. Токарева особенно ценна в двух отношениях: постоянно проводимой автором связью между эволюцией социально-политической жизни народов и их религиозными представлениями и институтами; и широким использованием сравнительно-исторического метода. Как крупнейший знаток религий доклассового общества, С. А. Токарев чрезвычайно удачно выделяет те древнейшие пласты, которые лежали в основе религий древнего мира.

Очень интересны краткие очерки, посвященные германцам и кельтам, стоявшим на грани перехода от доклассового общества к классовому. Они служат как бы вступлением к более подробному анализу греческой и римской религий. Автор показывает, как с укреплением межплеменных связей у германцев и кельтов, с усилением власти аристократии, формируются общие для всего народа пантеон, мифология, выделяется жречество. Вместе с тем еще в полном расцвете находится культ родоплеменных и локальных богов. Более близкие народу, они переживают и романизацию, и христианизацию и, под другими именами и обликами, вплоть до нового времени живут в фольклоре, поверьях, праздничных и иных обрядах.

Ту же первобытную основу С. А. Токарев вскрывает и в религиях греков и римлян. Подчеркивая неправомерность отождествления той и другой, он вместе с тем показывает, как велика была и в Греции, и в Италии роль культа родовых, впоследствии фамильных, божеств, прародителей и покровителей рода и дома. Некоторые современные исследователи, например Латте, автор опубликованной в 1960 г. фундаментальной истории римской религии¹, отрицает культ предков и родовые культы в Риме. Отрицает Латте, кстати сказать, и применение сравнительно-исторического метода при изучении римской религии. Соответствующие главы рецензируемой книги наглядно показывают несостоятельность обоих положений Латте. В этой связи следует отметить и весьма плодотворную аналогию, которую С. А. Токарев проводит между пронизывающим всю римскую религию понятием некоей безличной, сверхъ-

¹ K. Latte, *Römische Religionsgeschichte*, 1960.

естественной силы — *питеп*, — присущей богам, явлениям, впоследствии обожеествленным императорам, и идеей *мана*, играющей столь значительную роль у народов Океании (стр. 421). О *питеп* и *пипина* — понятиях, не совсем ясных уже самим римлянам, существует много различных точек зрения. По-видимому, намеченный здесь С. А. Токаревым путь сравнительно-исторического исследования может принести наиболее интересные результаты.

В религии греков автор видит больше примитивных элементов, чем в религии римлян. К таковым он относит следы тотемизма, очевидные у греческих и сомнительные у римских племен, следы разных видов магии, тайных союзов, к которым автор возводит культы, доступные только мужчинам, и истоки греческих игр. С культом родовых божеств С. А. Токарев связывает и развитое в Греции почитание Героев — вначале предков знатных родов, затем, с разложением родовых связей, покровителей отдельных территориальных общин. В Италии культ таких локальных богов или не развился, или заглох, оставив лишь слабые следы. Подмеченное С. А. Токаревым различие весьма знаменательно и заслуживает специального исследования. Некоторое сомнение вызывает данная С. А. Токаревым оценка почитания Героев как культа чисто аристократического. По-видимому, в нем были и демократические элементы: Герои были не только территориальными, но и домашними божествами, хранителями справедливости и т. д.; примерно с IV в. до н. э. распространяется весьма демократическая идея о превращении после смерти в Героя всякого человека, независимо от его социального статуса, если он того заслужил при жизни, что вряд ли было бы возможно, если бы Герои и ранее не имели каких-либо соответственных черт; самая нерасчлененность функций Героев, их хтонический характер, иногда звериные черты сближают их с более древними, примитивными богами, более близкими простому народу, чем олимпийцы; наконец, самый популярный из Героев — Геракл воспринимался как идеальный образ труженика и борца против тиранов и насильников, в каком-то качестве занял центральное место в учении близких народу кииков. Говоря о древнейших пластах греческой религии, следовало бы остановиться и на богах и полубогах кузнецов — тельхинах, кабирах и т. п. С. А. Токарев неоднократно отмечал роль кузнецов и кузнечных орудий в культе многих народов. М. Нильссон предполагал, что и двойной молот почитался греками не как символ грома, а как ремесленный инструмент. Символика, связанная с кузнечными и строительными инструментами, была столь живуча в античном мире, что перешла даже на раннехристианские надгробия. История генезиса этих глубоко народных представлений, видимо, коренящихся в глубокой древности, весьма интересна.

Очень подробно останавливается С. А. Токарев на формировании и отдельных сочленях греческого и римского пантеона, на их связи с основной формой античной религии — религии полиса, на характере и роли жречества, на социальной сущности греческой и римской религий. В этом последнем отношении, однако, автор, как нам представляется, не исчерпал все намеченные им же возможности. В другой связи С. А. Токарев, к сожалению лишь мимоходом, делает одно чрезвычайно ценное и глубокое замечание: на древнем Востоке, говорит он, а затем в феодальной Европе, положение низших, зависимых классов санкционировалось религией; напротив, античный раб служил своему хозяину не во имя религиозных заповедей, а повинаясь голый силе. Лишь христианство возвело повиновение раба в религиозный долг (стр. 537). Эта мысль, положенная в основу анализа классовой природы античных религий, могла бы стать некоей путеводной нитью для понимания ряда ее особенностей. Так, например, в период наибольшего развития классического рабства рабовладельцы резко ограничивали участие рабов в религиозной жизни, что отмечает и С. А. Токарев (стр. 428). Но в первые века нашей эры рабы самостоятельно обращаются к богам, для рабов устраиваются в домах и имениях религиозные коллегии; одновременно развиваются философские учения о моральном равенстве рабов и господ. Связано это, очевидно, с рядом изменений в самых основах рабовладельческого строя, заставлявших господ искать путей не только к физическому, но и к духовному подчинению себе раба. Возможно, что и эволюция римской религии от допускавшегося ею первоначально свободомыслия (при условии соблюдения всех обязательных для гражданина обрядов) ко все большему идеологическому давлению сверху, также в какой-то мере связана с развитием новых форм эксплуатации, предполагавших не только голое насилие, но и религиозную санкцию.

Желательна была бы также несколько большая детализация и некоторых других моментов связи социально-политической и религиозной эволюции. К таковым относится, например, вопрос об изменениях, сопровождавших переход от родоплеменных культов к государственным в связи с включением в число граждан людей, ранее стоявших вне родовой и культовой организации. М. Нильссон считает, например, что последние некогда объединялись вокруг культа Деметры и Элевсинских мистерий, именно поэтому лишь впоследствии получивших столь большое значение. Следовало бы также остановиться на вопросе о включении в римский пантеон плебейской триады Цереры, Либера и Либеры после уравнивания патрициев и плебеев и т. п. Конечно, при ограниченности листажа рецензируемой книги сделать это нелегко, но все

же кое-какие соответственные оговорки более наглядно показали бы роль религии в жизни античного общества.

Большое место С. А. Токарев отводит раннему христианству. Он характеризует основные направления в изучении этой проблемы, условия возникновения христианства и те элементы старых религиозных и философских систем, которые оказали на него влияние. Вместе с тем, автор совершенно справедливо подчеркивает, что ошибочно видеть в христианстве лишь смесь уже ранее существовавших представлений. Оно дало и нечто совершенно новое — учение о всеобщей греховности и искуплении, в неразрывной связи с учением о богочеловеке — спасителе. Важнейшее условие победы христианства над другими религиями, претендовавшими на роль мировых, С. А. Токарев видит в том, что все эти религии были связаны с определенным народом, полисом, государством, были по сути дела аристократичны, а следовательно, не могли объединить рабов и других обездоленных, оторвавшихся от своей этнической среды и своих национальных религий. С. А. Токарев прослеживает дальнейшее развитие христианской догматики, этики, организации, формировавшихся в борьбе различных течений и в ходе изменения социального состава общин, обусловившего, в конечном счете, превращение христианства из религии эксплуатируемых в религию эксплуататоров и его союз с государством.

В заключение автор дает общую оценку роли раннего христианства, отмечая ее противоречивость: с одной стороны, оно было шагом вперед, так как сплачивало разноплеменные массы людей в идее равенства, хотя бы и абстрактного, но, с другой стороны, оно было шагом назад по сравнению с высокоразвитой античной культурой, стоической этикой и т. д.

Думается, что оценка эта спорна. Ко времени распространения и победы христианства античная культура стала достоянием небольшой верхушки правящего класса, чуждой и враждебной народу, и находилась в состоянии глубокого кризиса, как и породивший ее строй. Успех христианства не обусловил ее упадок, а сам был им обусловлен. Что касается этики стоиков, то она была в высшей степени аристократична и индивидуалистична, что вместо с ее рационализмом, мешало ее проникновению в широкие массы, создававшие свои моральные нормы. Кроме того, стоицизм, как и другие современные ему философские системы, отрицал самую возможность каких-либо изменений и улучшений общества, не давал своим последователям никакой перспективы и был глубоко пессимистичен. Идея поступательного движения человечества, идея прогресса, пусть в извращенной форме, впервые появилась у христиан, что было, несомненно, большим шагом вперед. Наконец, раннее христианство (а затем демократические христианские «ереси») наиболее последовательно выступало против насаждавшейся сверху официальной идеологии — императорского культа, учения о вечности Рима и его власти, прославления войны и насилия, презрения к труду и человеку труда. Этого не делали ни одна другая тогдашняя религия или философия, всегда искавшие примирения с государством. Все эти моменты вряд ли можно игнорировать при оценке роли первоначального христианства. К нему нельзя подходить ни с точки зрения того реакционного характера, который церковь приобрела в дальнейшем, ни с критериями, применимыми для оценки современных идеологических течений, когда классовая борьба и классовое сознание пролетариата достигли ступеней, недоступных не только античным рабам, но и феодальным крестьянам, идеология которых всегда имела религиозную оболочку. Но, конечно, вопрос о раннем христианстве еще долго будет служить предметом дискуссий и споров, и то обстоятельство, что спорной представляется точка зрения С. А. Токарева, не делает его исследование менее ценным.

Е. Штаерман

* * *

В марксистской литературе до сих пор не было сколько-нибудь полного обзора истории религии в связи с историческим развитием человечества. Заполнить этот существенный пробел взялся один из крупнейших советских специалистов в области истории религиозных культов С. А. Токарев. Сделать такой обзор исчерпывающим и всесторонним в книге, предназначенной для массового читателя, — а именно таким является исследование С. А. Токарева, — трудно. Объем книги и недостаточная разработанность с марксистской точки зрения ряда вопросов и проблем, связанных с историей различных религиозных культов, вынудили автора, как отмечается им в предисловии, «отказаться от желаемой полноты и оставить без освещения некоторые разделы». Несмотря на это, исследование С. А. Токарева, по сравнению с другими известными нам работами советских и зарубежных марксистов (И. А. Крывелев, А. Донини и др.), представляется нам наиболее полным.

Автор сумел при сравнительно небольшом объеме книги дать подлинно энциклопедический обзор истории религии с древнейших времен до наших дней. В предельно сжатой, но одновременно ясной и точной форме С. А. Токарев излагает причины воз-

никновения религиозных культов, их содержание и эволюцию в зависимости от конкретной исторической обстановки. В исследовании содержится огромное количество материала, разоблачающего реакционную роль религиозных воззрений у различных народов мира и на различных этапах исторического развития. Все это делает работу С. А. Токарева чрезвычайно ценной и полезной не только для специалиста, но и для массового читателя.

Разумеется, в книге, трактующей возникновение и развитие религиозных верований у всех народов мира и в самые различные эпохи человеческого общества, вскрывающей к тому же «земные корни» религии, могут быть спорные положения. Они имеются и в работе С. А. Токарева. Но, может быть, именно в этом заключается не только слабая, но и сильная сторона рецензируемого исследования, выход которого в свет — благодатный повод для творческой дискуссии вокруг вопросов, недостаточно разработанных с марксистской точки зрения.

Мне хотелось бы остановиться на некоторых из этих спорных вопросов. Автор в основном делит историю религии на два больших периода: религии доклассового общества и переходного периода к классовому обществу (племенные культы) и на религии классового общества, подразделяя их на религии национально-государственные и мировые. В целом с такой классификацией можно согласиться. Однако, на наш взгляд, термин «национально-государственные религии» вряд ли применим к религиям народов Центральной Америки доколумбовой эпохи. Можно ли утверждать, что государства ацтеков в Мексике или инков в Перу носили «национальный» характер? На наш взгляд — нет. Эти государства были разноплеменными, и хотя господствовавшие там религии ацтеков и инков навязывались покоренным племенам силой, они не смогли поглотить другие племенные культы.

Требуется уточнения и понятие «мировые религии», хотя этот термин общепринятый и употребляется как в нашей, так и в зарубежной литературе. По существу ни одна из трех религий — буддизм, христианство и ислам, претендующих на это название, никогда не были «мировыми» религиями. Буддизм получил распространение в некоторых районах Азии, ислам — Азии и Африки. Христианство за пределами Европы навязывалось народам огнем и мечом колонизаторами, в Африке и Азии оно по сей день остается в основном религией европейских завоевателей.

Желательно, чтобы автор при переиздании своей книги (мы не сомневаемся, что книга С. А. Токарева будет неоднократно переиздаваться) уточнил эту классификацию или обосновал ее более обстоятельно.

В новом издании было бы полезно расширить раздел библиографии, дополнив его работами о современном положении религии в различных странах мира. Следовало бы, на наш взгляд, изменить в библиографии название раздела 4-й главы — «Религии отсталых народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии». Вряд ли стоит доказывать, что термин «отсталые народы» давно изжил себя.

Книга С. А. Токарева, несмотря на отдельные спорные положения, представляет собой полезный и нужный труд для самых широких кругов советских читателей. Она несомненно войдет в число тех трудов, которыми будут постоянно пользоваться агитаторы и пропагандисты, ведущие атеистическую работу. И в этом — большая заслуга автора.

И. Григулевич

НАРОДЫ СССР

Народы Средней Азии и Казахстана, I. Под редакцией С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова (Серия «Народы мира». Под общей редакцией С. П. Толстова). М., 1962, 767 стр. *

Появление фундаментального марксистского исследования «Народы Средней Азии и Казахстана» является крупным событием в советской этнографической науке. Это

* Том «Народы Средней Азии и Казахстана» состоит из двух книг (полутомов), вторая опубликована в 1963 г. Настоящая рецензия посвящена первой книге (первому полутому).

По поручению редакционной коллегии рецензируемого издания пользуемся случаем информировать читателей, что автором текста о современной архитектуре (т. II, статья «Казахи», раздел «Материальная культура») является чл.-корр. Академии градостроительства и архитектуры СССР М. М. Мендикулов. В списке авторов книги фамилия М. М. Мендикулова по технической ошибке оказалась пропущенной.